

Як Дніпр наш буде сине море пити
Та буде хвилю назуспать котити...
Треба вірненько Дніпрові служити,
Прийдеться в полі головку зложити ...

Дівчина

Хто ж тобі в полі очиці закриє;
Хто біле тіло до гробу обмие?
Хто проспівас над тілом, козаче,
Викопа яму, як рідне, заплаче?

Козак

„Крилами ворон очиці закриє;
Дош із вітрами біле тіло змие;
Кінь вірний яму виб'є копитами;
Дикі завиють звірі коло ями;
На місто дзвонів — вороння закриє;
Біла на полі береза заплаче“.

Кінь полетів — на вітрі грива має;
У воріт стоя, дівчина ридає.
В раннім тумані козаченько скрився;
В дівки рукавчик слізьми ізмочився.
Блудить, літає козаченько в полі:
Козацька охота — гірше неволі.

В три-годи вітер ворона заносить;
Ворон дівчині кісточку приносить.
То ж тая кістка — козака милого:
Вже три годи — дівка вийшла за другого.

РОСІЙСЬКІ ТВОРИ

ДВЕ ДОЛИ

Жили два брата родные. У младшего брата было довольствие и счастье во всем; а с этим и почет народный и братство со знатью. А старший, трудясь дни и ночи, не знал излишества, кроме насущного хлеба да лихенькой бедной избушки.

Лето. Старший приходит к меньшему — просит себе в поле работы. Взялся он у младшего жать со снопа. Ни отдыха, бедный, ни праздника старший не знает; в будний день на работе; а праздник — идет сторожить заработок свой горький.

Рано, однажды, в праздник, застал он на братнином поле, что бедная, в нищенском рубище, девка ходит между копнами и дер-

тает по колосочку со снопов все старшего брата, и эти колосья втыкает в снопы из копен брата меньшого.

Тут мой бедняк рассердился. Колос со снопа — не беда; но с десятка снопов по десятку... — Кто ты? — спросил он у девки. „Я? — Доля брата твоего меньшого: он почивает, а мой долг — денно и ночью трудиться, работать на своего господина“.

— Что ж ты тут делаешь? — „За девять нив отселе кругом собираю колосья, какие крупнее, с снопов, да втыкаю их в копны господские. Это ему для прибыли. С самой минуты рождения — я его верный слуга, и должна служить по гроб его — так суждено мне:

„Я берегу его жизнь от опасностей; нежно лелею детей его; росой поливаю поля, огородину; рыбу гоню в его бредень; поедет ли в город с зерном, с продажной скотиной — купцов я к нему привожу, набиваю им цену, даже обманом их обсчитать я могу и весом, и мерой, и счетом рублевых.

Летом скотину я хожу, храню от зверей и болезней; зимой — кормлю, согреваю, гоняю рой ему пчел; коровам даю молоко; подновляю одежду и обувь; дарю его чужим добром, и здоровьем, и счастьем: так с люльки гляжу я за ним — и буду должна я глядеть до самой могилы“...

— Я же зачем так беден? Моя куда доля девалась? — Ты беден? — не диво: доля твоя — госпожа, белоручка. Целый свой век она только знает наряды, да отдых, да песни. Целый свой век не она, а ты на нее все работаешь, как на свою господиню“.

— Где ж моя доля? — „Доля твоя гуляет в зеленой дубраве, в прохладной тени, разряжена, словно дворянская дочка, в серьгах самоцветных, перстнях и монистах... Я с ней рассталась: она неприступна, как барыня, — я ей не ровня...“

Нищая доля тут указала ту рошу. Бедняк свою долю находит — подлинно барыня-барыней. Горе и злоба вскипели в сердце его: хватает он за косы долю, впрягает в тележку, дровец наложил и едет на доле домой. И горько той доле. Возрыдала она и взмолила:

„Брат мой! Отец мой родной! Я с этой минуты верной твоею рабою: богатство и счастье польются рекою, — только не мучь ты меня, отпусти!..“ И пошла она к доле-сестрице, рабыне брата меньшого, и стала она говорить ей:

— Слушай, сестрица! Пестун твой счастлив, богат и знатен; ты на него потрудились довольно, — пора бы на отдых!.. Вот тебе полный наряд мой: и жемчуг, и шелково платье, и кольца златые — отдай мне взамен свое рубище!“ Доля меньшого свой долг забывает, меняет: золото долю прельстило.

Кончен обмен. Вот доля меньшого — боярыня: села руки сложивши. Пошли у меньшого утраты, убытки, во всем неудача, несчастье. Нет урожая на поле — нет и в доме покоя... Но он еще

пышный обед затевает. Созвана знать окружающих деревень, и брат-лишь забыт им.

Старший же брат по-братски приходит без зова. А гордый богач его не принял, стыдясь посадить наряду с именитым почетом. Отерши рубахой слезу, отправляется старший брат с пира домой, упившись не медом — слезами да горем.

Минуло лето, настало другое и старший опять у меньшого работает в поле, — но уж не как прежде: нажнет он копну — а другую нажнет ему доля. Притом же что сноп — то верная мера зерна. Припеваючи в поле работает старший.

Крепко ночью он спит, восход просыпая беспечно; а доля — на поле работает: лучшие в копнах колосья дергает, да прибавляет все к своему заработку. Ни птица на сноп опуститься не смеет, ни ветер зерна одного не расхитит!

Рано меньшей брат приходит на поле и видит старшего долю на этой работе. И стал он жалобу ей говорить на горе свое, на падеж, на хлеб, на засуху, болезни, безденежье, пропажу долгов на людях, мор пчел, на утраты и пр. и пр.

Вот ему хитрая доля и молвит: „Не ты виноват — твоя доля... Возьми-ко ты заступ; ступай — укажу тебе клад: ты опять заживешь припеваючи“. Вот повела его в степь, указала криницу и молвила: „Здесь, под землею в колено, кол ты отыщешь: выдерни кол — и золото прыснет фонтаном!..“ Вот принялся за работу — искать богатства без трудов и забот! Можно ли это — увидим. Сказано в умной пословице: „Дай, боже! робы, небоже!“ Следственно, счастье — в трудах и заботах.

Роет да роет. Вот кол застучал, показался: алчной рукой он дернул — и брызнули разом фонтаном — червонцы? — нет: злыдни: — Остолбенел мой кладокопатель! Домой прибегает — уж дом его заняли гости нежданные — „злыдни!“

Что ж эти „злыдни?“ А вот что: людям несчастье; стаду — болезни; хлебу, строению — мыши да черви; одеже и утвари — моль; пашням и травам — град и засуха; семейству — болезни; торговле — убытки; запасам — гниль та цвель; во всем и нужда и горе.

Злыдни еще подманули старуху-журбу. Журба принесла ему небывалых и список будущих бед, положив под подушки его изголовья. А злыдни все с'ели — один лишь мешок пощадили: с этого злыдни мешка котомку хозяину сшили. Журба от постели и сон отогнала.

Взял он котомку, пошел просить „христа-ради“. — Вот и приходит он к старшему брату, теперь богачу. А брат не забыл его угощения на званном обеде... Теперь отказал он и сам в куске насущного брату!

Грех ему тяжкий, старшему; жаль и на младшего: „бог наказует гордыню...“ Пока он домой воротился — журба да злыдни ему заготовили гроб и вырыли свежую в поле могилу“.

ХРОМОИ СКРИПАЧ

Знаете ль Тришку - хромого? Знаете, как он играть научился и как он играет на скрипке? Знаете ль, как он стал хром? и зачем не дает никому он на руки этой волшебницы - скрипки?.. Не знаете? — Я ж вот вам расскажу всю сущую правду — историю про старого хрена, про Тришку - хромого.

Тришка служил у людей батраком лет десять. Верною службой хозяевам он зарабатывал горькую, бедный, копейку. Бывало, не с'ест, не доспит за хозяйским добром — уж за это его и любили, хоть был горемыка — простите — глупенек и так бесталанлив — хоть брось: в пословицу этим вошел он во всем околodge.

Тришка не выпить, ни лакомо с'есть не любил; а любил он до крайности — музыку. Эта страстишка смешна была в нем при его бесталанной натуре: поди ж с ним! Бывало, свирель ли на поле заплачет, в бандуру ль костлявый слепец заиграет — у Тришки уже с рук выпадает работа, ему не до сна, не до пищи.

Часто, после тяжелой работы, выпросит он где-нибудь балалайку, забьется в укромное место — и целую ночь напролет пробрянчит; но игра ему не дается, бедняге. Из сил выбивается, плачет — и с этим опять за работу; с работы опять та же песня — опять с балалайкой возится!

Часто (уж это не смех, а грех превеликий) добрые люди в праздник господен сойдутся к обедне, — а Тришка сидит себе дома с своей балалайкой проклятой — тешит нечистую силу, прости меня господи! Прока ж все нету да нету с игры его. Слушайте ж, добрые люди, что с ним однажды случилось:

Раз (это было под самый под праздник под светлый) хозяева из дома вышли к заутрени. Тришка — к своей балалайке (тогда уж имел он свою) и вышел он к речке (под самым двором) под ивы, где мостик: там никто — де меня не увидит, не будет смеяться, не будет и горю глумиться.

Полночь прошла чуть; до света далеко. Из сил уже выбился Тришка: игра нейдет — как будто он первый раз только взял балалайку отроду! Досадует, плачет и молвит сквозь слезы: „Когда бы какой-нибудь чорт взялся меня выучить этой музыке проклятой!..“ И вот подошел к нему старичек: Здорово! — „Здорово!“

— Что это, Тришка, разрюмился, плачешь? — „Да как же не плакать: несколько лет занимаюсь игрою на этой злой балалайке — успеха ни на волос!“ — О, так беда невелика... Подай-ка... И взял старичек балалайку, и щепкой он начал пилить ее струны, словно смычком бы по скрипке...

Чудные звуки извлек он из дерева!.. Тришка в восторге! Тришка не верит ушам, не мог устоять на ногах — и пустился в присядку... Хохочет над ним старичек... Пробился мой Тришка

от танцев до пота... „Брат, отец мой родной! Научи и меня так играть! Научи, благодетель мой!“ — Тришка взмолился.

Тришка руки свои протянул — не к крестному знаменью — нет, к старику: обнимает его и целует... Старик балалайкой ударил об иву — и в щепки она разлетелась... Вот подал Тришке две щепки — и щепки уж эти не щепки у Тришки в руках, а чудная скрипка да хитрый смычек заморской работы.

Только что Тришка струн прикоснулся — и звезд он не взвился в восторге, запрыгали искры в глазах у него: игры такой не слышал он от рода! Играет, и пляшет, и с радости плачет. А злой старичок — то хохочет, хохочет! а злой старичок то смеется, смеется, да тешится парнем!..

Тришка и молвит: „Что ж, старичок, тебе за такую услугу“ — Что? ничего, — старичок отвечает: — Пойдем — ка на поле. — Вышли. „Ну, что же?“ — спросил его Тришка. — Тут заплати за услугу услугой, — сказал старичок: я пригнуся в пол-тела, а ты ударь меня крепко — накрепко сзади коленом во всю силу батрачью.

„Дальше что?“ — Дальше — мы квиты. и скрипка твоя. — И стал старичок к нему задом — простите — нагнувшись. Тришка долго не думал: со всей своей мочи ударил коленом, и с воплем и стоном грянулся о — землю — старик? — э, нет — Тришка. Перед Тришкой стоял не старик, а пень преогромный: у Тришки не стало ноги — о пень он вышиб колено!

Крикнул петух кукуреку. Люди с обедни шли с пасхой да с красным яичком. Подняли бедного Тришку со скрипкой... Кое-как он переохал ушиб свой, да правой ноги уже не поправил: остался калекой, бедняга. Зато ж его скрипка-колдовка при нем, зато ж какой и скрипач он теперь: под скрипку его хочь нехочь — потанцуешь!

Случай с собой рассказал он под-чаркой, на свадьбе, товарищу; тот — другому; другой передал десятому; так рассказ разошелся в народе. Всякий мальчишка теперь вам расскажет про Тришку-хромого: как он стал хром, как играть научился он и зачем не дает никому он на руки этой волшебницы-скрипки.

ВЕЛИКАН

Славно, завидно живали прапрадеды наши! — Да это не чудно: другой тогда свет был. Земля родила — почти без посева, ручьи текли молоком, а реки большие — вином да патокой; шуб и морозов не знали; болезней и горя... их не было даже в помине.

Славно живали! не знали богатства и роскоши люди, зато ж не знали несчастий. Грудь бедной земли не терзали за золотом; парус крылатый над морем не веял хоругвью добычи и — смерти; убийство не было потехой — войною... Не жизнь была людям — приволье.

Нас старина подарила рассказом: жила-была горе-вдова. Жизнь вдовья, конечно, не радость. Но бог даровал ей утеху на сто сороковом году — сыночка, а имя сыночку — Ивашка. И был в старину тот Ивашка чудом чудесным, дивом предивным.

Рос тот Ивашка не летами — днями, часами. И вырос Ивашка в два года, как вырос другой бы в 20; а в 20 Ивашка — на свете такой не бывал великан: и не было крова ему, полотна не было на рубашку.

Вот как велик был Ивашка: однажды приносит он к матери в горсти — плуг и с людьми и волами и молвит: „Смотри-ка, родная: мудреные ж есть муравьи то на свете: сцепились, связались — и роют широкое поле!..“

— Э отнеси их, где взял, — сказала родная: — пусть роют их: всяко дыхание господа хвалит. — И тесен стал свет для Ивашки. — Вот, думает он, — взберусь я на небо!.. — Идет он за тридевять земель, в десятое царство, в чужое государство.

К морю подходит — море ему по колено; к горам — как плетень переступит. Но вот он встречает огромную гору: взобрался, а радуга руку ему подает — вот мой Ивашка близехонько к небу; но на небо — бог не пускает; а на землю — он уже не слезет...

Небо за жизни нам не дается. Остался Ивашка меж небом и между землею. Постель и одежда — тучи; товарищи — ветры и бури; но — тяжка жизнь безлюдная. Возрыдал мой Ивашка, и горькие слезы дождем полились на землю.

Взрыдал одинокий Ивашка: и громы всю землю собой всколебали.

— Видали ль вы: вихри уносят до облак добычу, ограбивши землю? Видали ль: орел похищает из стада барашка? — И вихри и птицы носят пищу Ивашке.

Сушит ли жажда палящую грудь у Ивашки — он радугу шлет за водою, — и радуга пьет наше море и реки... (Кто ж наш Ивашка? — Поэт: ему тесно здесь жить, на земле, меж людьми; а на небо для смертных — нет в жизни дороги... Ужасна меж той и другим середина!..).

РУЖЬЕ — СОВСЕМ

Жил на Подоле охотник-стрелок, по прозванью Безродный. И подлинно, был он безродный: ни рода, ни племени — словно былинка на поле, оставлена счастьем — к несчастью, лютой ко-сою, в глубокую осень на жертву ненастьям и холоду, горю, тоске одинокой.

В поле и в лесе охота за дичью была у него и забавой и горем. Злодейка ли грусть, как свинец, ему ляжет на сирое сердце;

прекрасная ль дева невесело юноше молвит словечко, Безродный с ружьем уж на поле и в лесе, — и сердце запрыгало живо, забилось легче.

Были минуты: Безродный знаком был и с нуждой и с голодом. Часто ружейные пули рассчитывал он на будущее время — и ими он мерял надежды и радости жизни. Безродный подходит к ружью и нередко в ненастье и вьюгу, для хлеба насущного, бродит по целым он суткам.

Был ли он счастлив охотой? Уж точно, что счастьем он был обязан меткому глазу да твердой руке: едва ль у Безродного мимо летела и сотая пуля, — и то уж в то время, когда под рукою бывала добыча: рука изменяла. К близкому счастью чьи руки не дрогли?..

Сидя однажды с любезной, так он ей молвил: „Зачем ты такая суровая? Что твои ясные очи, как прежде, не ловят моих? Зачем твои губы — кораллы холодны к моим поцелуям? Тебе ль, сирота я, всей жизни своей не дарю? Не я ли покоем и жизнью живу лишь твоею? „Беден я, правда; но сердце богато мое“...

А дева ему отвечала сурово:

— На праздник ходила я в Киев, там юные девы пестреют нарядом, как райские птицы: им милые сердцу дарят свои перстни; их белые груди обвешаны пасмами ниток бурмицких, уборы блистают парчей золотою да шелком... Ты мне купи хоть сережки в подарок, пускай мне подруги не будут смеяться; пусть юноши смотрят, как смотрят они на других...

И тяжело Безродному стало, что сердце девицы — товар покупной: что к сердцу любимому надобно золотом выстлать дорогу...

Грустно Безродному. „Слушай, Безродный: сотри это сердце пятою“ — рассудок тут шепчет; но юноша пылкий не слушает этого голоса... к девицью сердцу тропу проложить он подарками хочет. Впервые ему. показалось слово ужаснейшим — бедность.

|| Что же Безродный? к чему прибегает? К ружью: берет он и пули, и порох, и за город вышел на берег днепровский. Пословица есть: „на ловца и зверь бежит“. И подлинно: зайцев и дичи различной что шаг то находит; но бедный охотник уж до ночи бьется — все даром!

Как же? Да также: что выстрел — осечка иль промах! Ну, вот, из-под рук улетает добыча! Несчастья подобного с рода не помнит он!.. Уж на исходе заряды; сума ж за спиною пустая. Час к ночи. Весь день проболтался — и даром!..

С чем же он явится, бедный, к любезной?.. Вот месяц взошел и яркие звезды, как угли горячие, по небу стали искриться. В отчаянии бедный стрелок стал думать опасную думу... Глядь: перед носом река незнакомая: дичь по воде стадами играет: швырком бы промаха не дал.

Целит охотник мой: паф!.. и дичь и река — как будто совсем не бывали! В ушах у него зашипели и хохот, насмешки, и голос, и свисты укора... Бедный представил свидание с милой, и звуки вопросов, и взор укоризны — как нож ему в сердце проникли... Чем он задобрит сердце девицы?..

Горе его почти омрачило. И в горе посыпал Безродный проклятия градом, промовив: „Хоть чорт бы помог мне набить этой дичи проклятой!.. и завтра я бы явился к свиданию с подарком, и милые ласки купил бы я щедрой рукою“...

Речи не кончил, а чорт уж стоял перед ним. „А вот я, легок на помине: к услугам! Я знаю секретец для верной охоты: тебе передам я 3000 пуль самострельных; ты гордую деву осыплешь жемчугом и златом... только последняя будет — охотнику в сердце!“.

В жилах Безродного кровь застыла от условия чорта, но власть над девицей привязанность к жизни на миг заглушила. Он думал: мгновенное счастье дороже столетнего горя. И мигом сорвалось с его языка ужасное слово: „согласен!“.

Чорт тут на небо дунул — и яркие звезды, задуты, померкли. Охотничьей шапкой закрыл он чуть выплывший месяц, замолвил ружье и сказал: „Вот пули, 3000 счетом; не даст ни одна из них промаха, пуля последняя будет... условие знаешь?“.

„Чуть выстрелишь ею — явлюсь за тобой. До того ж не торгом в базаре ты будешь барыш получать за охоту: придут к тебе сами и дичь твою будут на чистое золото весить; бери только деньги — ты ими насыплешь подвалы“... — И скрылся.

Скрылся. Шапка с месяца спала, блеснули звезды, перед Безродным промчались две быстрые серны. Выстрел — и обе у ног... Вновь пуля по стволу скользит, и ночью, огромной станицей, утки явились; запрыгали зайцы, лисицы, с Днепра показалось бобровое стадо...

Все киевляне дивятся неслыхано редкие птицы и красные звери вокруг Киева вдруг расплодился. Безродный носил их, и золото в руки охотника ливнем лилось. И гордая дева павлином в камнях как жар заблистала!

Прежде дика и сурова, теперь она горлинкой жалась к юноши сердцу; а юноша гордый в объятиях милой ликует... Блажен ли он, полно? Нет: на ложе неги не знает он радости чистой: в ушах отзывается страшное: „пуля последняя — будет охотнику в сердце“.

К этому надо заметить — за девой его грустит и цветком увядает товарищ Безродного. Часто видел сам, что дева дарила счастливца украдкой то ласковым словом, то даже, тайком, поцелуем. Продажное сердце и чувство — чести и верности чуждо...

Пуль остается последняя сотня. И вот охотник замыслил: продать „ружье — совсем“ своему сопернику сердца, товаришу

детства, соседу. Но прочное счастье надежно ли строить на гибели брата? Увидим. „Кто ближнему яму копает, сам в нее попадает“.

Вздумал и сделал; с ружьем и последнею сотнею пуль — последняя продана пуля. Безродный трепещет от радости черной! В ком сердце однажды забилося при счастье порока, тому уже ближнего счастье — ужасы укором и пыткой.

Вызвался сам товарищ купцом ружья. Безродному на руку: отдал его за безценнок, с пулями. Оба довольны: сбывши с рук, Безродный думал, что сбыл и условие чорта. С последнею пульей не я уж охотник, — он думал, — не мне и с последнею ведаться пульей...

Вот новый хозяин ружья собрался на охоту; но прежде попробовать хочет он в цель: начертил он кружок угольком на столбе верстовом; отмерил шагов полтора ста и выстрелил купленной пульей...

Дрогнули руки: он думает — мимо! Ан нет: у самой цели пушная лежала лисица! Охотничье сердце забилося от радости. „Это ведь клад — не ружье!“ в восхищении крикнул стрелок... Невинное сердце обманам и чарам не верит...

Он заряжает опять. Но, думает: в первый раз и этой добычи довольно. Идет уже домой... оступился в лесу... за ветку ружейный замок зацепился — выстрелил... Он дрогнул... через секунду, огромный орел у охотничьих ног лежал простреленный на вылет...

Это уж верно не случай!.. Но в счастья и страсти люди теряют рассудок: он и эту удачу случаю лишь приписал и новую поднял добычу, и мчится домой без оглядки, не слыша земли под собою... Охота была коньком его жизни.

Удача, и счастье, и прибыль у ловчего отняли сон: бессонница юношу сушит. Так часто мы счастию рады; но счастье это часто бывает на гибель. Какое ж тут счастье охотнику, если нет основания счастию — покоя?

Бросим в сторону эти сужденья, — не сбиться б с дороги. Стрелок в восхищении, сказал я. И красные звери, и редкие птицы нашивал часто охотник: он зажил боярски: толпою друзья его окружали, а красные дочки богатых купцов на него с улыбкой глядели.

Так уж ведется на свете: и счастье, и слава, таланты и разум — все будет, лишь были бы деньги и деньги!.. Однажды он поздно шел к дому с охоты; в ружье забита была „последняя“ пуля. Вот он на подоле проходит мимо Безродного дома... глядь — филин огромный подле ворот сидит на заборе и плачет ребенком и стонет...

Вот он в руки ружье из-за плеч: прицелил... Вот выстрел, — и стоны, и хохот, и вопли слышались разом... и смолкло кругом, как в могиле... Подходит к забору и видит: подле ворот, без жизни простертый, простреленный в сердце на вылет — Безродный!..

ЛЫХО

Жил да был человек, и не знал в своей жизни — что то есть лыхо (горе, беда): он слышит, что люди часто его поминают, но только о горе у них не добился. Вот он решился, вочто бы ни стало, лично увидеться с горем.

Странно желанье? не правда ль? но люди бывают страннее... Взял он сумку на плечи, идет отыскивать горе. Долго ль, не долго ль ходил он — вот видит в степи беспредельной, под лесом, замок железный; кругом частокол из костей человеческих, черепы воткнуты сверху.

К замку подходит: служитель вышел из замка, обвешан разной травой и сухими змеями (пришелец, поглядев, рассмеялся), спросил искателя горя: чего ему надо? — „Лыха“ — чудак отвечает: „Я отроду горя не видел, ищу и сыскать не могу: не знаешь ли ты, смеховодник?“.

— Горе здесь, — служитель сказал. „Насилу! сведи ж меня посмотреть его“. — Можно. — И вводит он в замок искателя горя. В огромной зале лежал великан огромный и тучный; его голова на покутье, ноги на печке.

Ложе — кости людские; поет ему горькие страшные песни у изголовья старуха-Журба; Отчаянье с ядом, ножом и петлей стоит на посылках; Злыдни гостят, вокруг Гора обсевши. Вот нового гостя приняло Горе, велит ему дать закусить, подкрепиться.

Подал прислужник из печки на блюде пришедшему гостю: на блюде лежит голова человекья! И страшно и холодно гостю! — Боится он пищи ужасной — боится послушаться Гора... Но Горе — слепое!

(Вышла прислуга). Снял он голову с блюда и тихо под лавку кладет. А Горе спросило: „Что, скушал ты?“ — Скушал. — „А где ты, головка-мотовка?“ — Горе слепое спросило. — „Под лавкою“ — голос ему отвечал из-под лавки. Жаром и холодом обдало гостя.

„Скушай, голубчик“ — Горе гостю опять: „чтоб сам ты был вкусней для меня; и если не скушаешь — жив не уйдешь“... И Горе запело... Гость голову спрятал за пазуху. Горе опять тут прежний вопрос повторило:

„Где ты, головка?“ — Подле желудка, — отвечала ему голова. И Горе подумало: подле желудка — это значит он скушал. „Теперь твоя очередь, гость мой“ — Горе сказала. Улучив минуту, тихонько, гость с комнаты бегом!

Дверь заскрипела железная. Горе узнало побег и вскричало: „Двери! держите, уйдет!“ — Но гость уже был за дверью — лишь правую руку оставил в дверях — рука его правая в двери осталась навеки!..

Лишь раздалось у дверей: „Оде Лыхо!“ Горе велело прислуге гостя кормить орехами, лучшими разными фруктами юга... но Горю прислуга доносит, что гостя уж нет. „Возьми у дверей“ говорит потом Горе прислуге.

Подана Горю прислугой рука... А горя искатель страдает всю жизнь без руки, калека, всегда поминая ужасное Горе. Он кается горько; но поздно раскаянье после прошедшего дела.

КУЗНЕЦ

Праздник у бога. А как мы, украинцы, любим эти божие дни — эти праздники! Право, на праздник и солнце греет теплее, и люди радушней, и мир весь нарядней, и птицы певистей, и Псел веселее струится, и каждый листочек, и каждая травка приветней. Радостно, весело в праздник!

Праздник. Люди гуляют... Сидят на завалинке два старика — вы с ними знакомы: под небом чужим, между сотнями лиц, вы бы, увидев, сказали: это украинцы! так они верны истории, краю, быту родному... Старший начал рассказ: хотите ль послушать? Ну, слушайте смирно.

„... Славные были крестьяне у старых панов у покойных (рассказывал дед мой): все люди мастеровые, рабочие, дюжи, удобные. Славный у старых панов был Яремка кузнец: бывало, сделает серпли, к дверям рукоятку ль, задвижку, крючок ли, завески ли к скрыне — ну так ведь прехитро украсит резьбой да насечкой, что, ей, загляденье! Вот так бы сидел да глядел бы!

Что тут! Бывало, Яремка починивал даже замки с пружиною хитрой и панский берлин; уж нечего — удаль была в кузнице! А, бывало, песенку спеть, поплясать, поиграть на свирели (что твои гусли) — хватина на все! А петь иль читать на клиросе — право, заслушаться! Да и красюк же какой — картина!..

Ну, а кузница — то у Яремки: право, и хата другая не будет просторней и краше; а разных то кунштов наклеено! — Тут и кот астраханский везется мышами, и с пикой Ермак, и Палей с мудрою подписанной виршей вверху и конем, подкованным кзаду, шипами из жолтыя меди, и страшный суд, и явленья чудесные — с женскою грудью, с звериною мордой, гробнем и в перье... много картинок!

Подле горнила, на самой на печке, висел, на холсте намалеванный, чорт; повешенный кверху ногами; ну, да и списанный точно! Кто ни посмотрит — узнает: чорт да чорт тебе! черный, с рогами, с предлинным хвостом, с бороною, с калиткою денег в когтях и с людскими грехами...

Чорта Яремка повыпачкал грязью и дегтем, очи проклятые выжег, всего исколол, исцарапал. Если Яремка кует — уж он так

норовит, чтобы к чорту спиной — непременно спиной отвернуться; в таком положении он месит железо... А если Яремка и глянеть бывало, на чорта — то, верно, чтоб плюнуть на чортову харю.

Чорт разозлился. Он твердо решил отмстить кузнецу жестоко, по-чертовски... Уж сколько к Яремке лихой прикидался: и деньги мешками сулил, и худобу, и панство, и все услуги; но твердый кузнец неподкупен, и чорт к кузнецу не приступен.

Вот мой кузнец перенес еще в хату поганный портрет и прибил вверх ногами, над дверью. Обернется к двери — нечистому шиш или плюнет. Пуше злой дух розозлился! Ищет он средства, как повредить бы Яремке... Находит...

В кузнице новый явился работник — цыган, и работник — на славу! Что за работа пошла от Яремки: скоро, красива и прочна! И десять рабочих не могут сработать против цыгана. Яремка лишь смотреть да деньги считает. С других деревень приезжают с работой: уж кузницы две, не одна — и битком как набиты народом...

Ладно. Приехал однажды к Яремке с работой хромой атаман: работа поделана, деньги взяты. Работник-цыган предложил атаману сковать ему ногу хромую; тот, бросив костыль, согласился. Цыган пригораздил к жаровне ногу хромую; вынул, ударил молотком, sprыснул водою, посыпал песком... Атаман лишь вышел из рук кузница — да в присядку!..

Добре, слушайте ж. С этой поры к кузнецу приносили — не лом да железо — увечье, недуг да калечество. Кузнец мой во всем успевает, кует их да лечит, да денежки счетом берет и без счета. Цыган перековывал уж стариков да старух — в молодцы, в молодицы; ковал безобразных в красоток, калек ковал он в красавцев.

Как то работник-цыган отлучился; а барин яремкин, дряхлый старик приходит к Яремке с приказом — перековать его в молодцы; Недолго думал кузнец: завязал господина в мешок, подложил угольков на жаровню и, бросив в горнило, сам принялся раздувать. Отчаянный крик и стоны господские скоро затихли. Вынул Яремка с огня — обгорелые кости: вдребезги их молотком разбивает... — вот все, что осталось, что было его господином!..

В ужасе бедный кузнец! Цыган пропал без-вести... Уж палач и Сибирь ожидают Яремку. Он осужден, как убийца... Идет с острога он в родимую хату — проститься навеки. — Вот позван священник с молитвой: кропит он святою водою хатние стены, — а вместе забытый портрет над дверями... Вдруг в дверь появился пропавший работник.

Вызвал он в сенцы Яремку: „Послушай“ он молвил: „я твой губитель; но я и спасу тебя: только — оставь ты портрет мой;

глумись и ругайся над ним, но — не кропи хаты святою водою; тотчас иду в твою кузницу и приведу твоего господина". — По-
длинно: скоро явился в избе кузнеца господин — молодец, хоть
куда!.. И Ярема прощен и отпущен... Работник сгинул без
вести...

Снял мой Яремка проклятый портрет со стены, отнес его в
кузницу — и швырнул на огонь, и черным дымом покрылся огонь
весь. Холст же сгорел, а проклятый метнулся в трубу... И с
этой поры то чорт почернел еще хуже, его борода обожглась,
и любимое место его осталось — кузнечные трубы".

Кончил старик свой рассказ. кончаю и я, — не браните!

КРЫМСКИЕ СОНЕТЫ
А. МИЦКЕВИЧА

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Плыву в пространстве я сухого океана:
Нырять в зелень воз в волнах густых лугов:
И как ладья плывет средь разлитых цветов,
Минуя острова каралловы бурьяна.

Пал мрак, и не видать дороги ни кургана.
Ищу на небе звезд — ладьи проводников;
Вот облака светил? там заря с-за облаков? —
То светит Днестр, блестит то фарос Аккермана.

Стой! — что за тишина! — я слышу журавлей, —
Их взоры сокола едва ли досягают:
И слышу над цветком как бабочка порхает:

Как в зелени ползет змей персию своей:
Какая тишина! — Достигнул бы ушей.
Зов с родины — Литвы, — никто не окликает.

МОРСКАЯ ТИШЬ

НА ВЫСОТЕ ТАРКАНТУТ

Уж в ленты парусов чуть ветерок дохнет;
И моря грудь едва колышется, вздыхая,
Как нареченная невеста молодая
Пробудится, вздохнет — и вновь опять уснет.

Как бранная хоругвь, когда война пройдет,
На мачтах парус спит; корабль плывет волнами,
Колышась, будто бы прикованный цепями,
И кормчий отдохнул, и пассажир поет.

О, море! средь твоих веселых обитаний
Живет полип: он спит средь бурь твоих зыбей;
Утихнешь — он встает и в тихом море бродит.

О мысль! в твоей глубине есть гидра воспоминаний:
Она покоится среди бед и бурь страстей;
Но сердце улеглось — она в нем когти топтит.

ПЛАВАНИЕ

Шум боле, вот кружит чудовища морские:
Кормщик на лестнице: „готовьтесь!“ кричит.
Взбежал, в невидимых сетях уже висит,
Как в уголке паука, добычи ожидая.

Ветер! — ветер! — удил вековые:
Перевалил, нырнул, запенил моря вид:
Взнес грудь, поправа волну и к небесам летит:
Коснулся туч, взял ветер под крылья надутые.

Мой дух полетом мачт парит под небесами:
Взвилась фантазия, как локоп парусов:
Мешаю крик я свой с возгласами пловцов.

В восторге обнял я персь и корабля руками:
И мнится — грудь моя стремится его с ветрами.
Легко мне! люблю! — я постиг полет орлов!

БУРЯ

Снят парус; мачта прочь; рык вод, бурунов бег;
Печальный вопль пловцов, зловеющий стон насосов;
С рук вихрем вырваны канаты у матросов;
Заходит солнце — с ним зашла надежда всех.

Завыл с триумфом вихрь; на темя влажных скал
Из бездны взнесшихся и зыблемых волнами,
Стал гений смерти, и явился перед нами,
Как воин, восходя на взятый грудью вал.

Тот полумертв лежит, тот руки заломал;
Иной, в отчаянии, в объятья друга пал;
Те молятся и смерть вызывают о спасеньи.

Один пловец сидел в холодном онемении
И думал: счастлив тот, чей дух не чужд моления,
В ком слезы есть иль кто имел кого обнять.

ВИД ГОР СО СТЕПЕЙ КОЗЛОВСКИХ

Пилигрим и Мирза

Пилигрим

Алла, ты там воздвиг громады ледяные?
Иль трон из льдистых туч для ангелов отлил?¹⁾
Иль Дивы²⁾ с пол-земли создали вековые
Преграды, чтоб сонм звезд до нас не проходил?
Какое зарево! Царьград огонь залил!³⁾
Алла ль, как ночь фаты раскинула ночные,
Чтоб осветить миров громады золотые,
Тот пламенный фонар на небе водрузил?

Мирза

Там?— был я: век — зима: там зобы ручейков
И пасти рек, я зрел, сосут ее престолы.
Дохнул — с уст снег летел; хотел искать следов.
Где нет следов орлам, где туч лишь вереница;
Я видел спящий гром у люльке с облаков,
Где над моей чалмой была только зарница.

Пилигрим

То Чатырдаг!⁵⁾

Мирза

Аа!!

БАХЧИСАРАИ

Гиреевых палат печальная картина!
Стерты челом Пашей пороги у дворцов,
И софы — власти трон, любви заветный кров —
Их змей иль саранча в пустыне заселила!

На окна выбиты взбирается рослина
По грудам стен, колонн, и сводов, и столбов,
Заняв дела людей — приют их дум, умов —
И Балтазаровой рукой⁷⁾ чертит: „Руина“

Средь залы высечен из мрамора фонтан —
Гарема ключ — его лишь время пощадило:
Бросая перлы слез, пустыням он взывает:

Куда ж девались вы, любовь, престол, Коран?⁸⁾
Вы мнили веки жить, вам время не грозило...
О стыд! Вас нет! — а мой поток не иссякает.

БАХЧИСАРАЙ НОЧЬЮ

Идет мусульманин с мечети⁹⁾ отдохнуть,
Изана глас во мгле вечерней замирает;
Румянцем девственным лицо зари играет
И месяц молодой спешит при ней вздремнуть.

Лампады вечные в гареме звезд горят,
Средь них плывет одно, в сапфирном небосводе,
Блуждая, облако, как лебедь на свободе,
Грудь белая, края как в золоте блещут.

Простлалась тень с вершин мечетей, кипариса;
Вдруг страшный исполин — чернеется гранит —
Как духи, восседая в собраниях Эблиса¹⁰⁾

Под кровом тьмы: порой их сонм лишь озарит
Мгновенно молния — и с быстротой Фариса¹¹⁾
Безмолвную лазурь стрелою пролетит.

МОГИЛА ПОТОЦКОЙ

В стране весны, между роскошными садами,
Ты свая, цветов любви! Минуты прошлых дней,
Промчавшись, в груди оставили твоей
Воспоминания с их горькими следами.

Там, в Польше, неба свод затеплился звездами:
Зачем сей путь лежит до родины моей?
Иль взор твой пленный, летя в страну друзей,
Прожег небесный свод нетленными огнями?

Быть может, я умру вдали родного края:
Пусть дружба на мой гроб здесь бросит горсть земли!
И путник, тихую могилу посещая,

Узрев вблизи мою, оплачет дни мои:
Он запоеет тебе, прославит дни твои —
Пускай мой прах тогда пробудит речь родная!

МОГИЛЫ ГАРЕМА¹²⁾

Мирза к Пилигриму

Здесь кисть незрелая с рассадника любви
Взята к столу Аллы; здесь чистый перл Востока
Из моря счастья похитил издалика
Гроб, конха вечности, в объятия свои.

Сокрыл ее покров забвенья и времен:
Над нею мавзолеей¹³⁾ холодный лишь белеет,
Как войск теней бунчук, и чуть черты виднеют
Рукой неверного иссеченных имен¹⁴⁾.

О розы рая! вы прелестною весною
Для мира отцвели. Под непорочным кровом
Вы незапятнаны нечистым смертным взором.

Лишь странника стопа вам тяготит порог —
Позволю я ему — прости и ты, пророк, —
Из всех пришельцев — он почтил тебя слезою.

БАИДАРЫ

Пустил на ветер коня — лети, приволья сын.
Долины, скалы, лес, в безладье, чередою
У ног моих плывут, как стая волн рекою,
Хочу упиться сими вихрями картин!

Когда ж вспененный конь не слушает удил,
Когда весь мир уснул полночи под фатою —
Как в дребезгах зеркал, снуются предо мною
В распекшихся глазах — вид гор, лесов, долин.

Спит мир, лишь я не сплю: скачу на брег морской:
Идет скирдой волна, спешит к морскому краю! —
Чело свое склонив, я руки простираю:

Разбился вал, хаос простерся надо мною:
Я жду — и мысль, как челн, занесенный валами,
Нырнет — и скроется, бушующий волнами.

АЛУШТА ДНЕМ¹⁵⁾

Стряхнула с плеч гора туманные халаты¹⁶⁾;
Намазом¹⁷⁾ утренним шумит волна полей,
Колышет майский лес и сыплет из ветвей,
Как с чоток мусульманин¹⁸⁾, рубины и гранаты.

Весь луг в цветах; над ним порхает цвет пернатый
Блестящий мотылек — как радуги коса
Шатром брильянтовым покрыла небеса;
А далей сарана влечет ковер крылатый...

Когда средь моря вдруг покажется скала
И море зашумит — затопит брег волнами:
Его валы блестят, как тигра взор огнями,

Предсказуя рев бурь... Тревожная земля
Молчит... На глубине колышется волна
Со стайей кораблей и лебедей стадами.

АЛУШТА НОЧЬЮ

Резвится ветерок, день знойный провожая,
На плечи Чатырдаг лампаду взял миров;
Розлив холодный свет для вод, для берегов —
И тушит. Путник стал, природы гимн внимая.

Оделись горы в мрак; в долинах ночь глухая;
Сквозь сон журчит ручей по зелени лугов;
Льет воздух аромат — гармонию цветов,
Лишь сердцу говоря, от уха сокрывая.

Под мрака крыльями вздремнул, как бы в коляске:
Вдруг небо очертил блестящий метеор
И облил золотом и дол, и темя гор!

Царица ночи! ты, подобно одалиске,
Разнежишь ласками — счастливцу сну уж близкий —
Но искра ока — вновь воспламенит восторг!

ЧАТЫРДАГ

Мирза

Дрожа пророка сын стопы твои лобзает,
О мачта Крым - судна, великий Чатырдаг!
Ты минарет миров, гор мощный падишах!¹⁹⁾
Народов тьмы твоя подошва подавляет.

Ты стал как Гавриил²⁰⁾ в Эдема воротах,
Что стражем мощным рай надежно охраняет,
Твой плащ — дремучий бор; а смертных грозный страх —
Чалму из туч поток перунов позлащает.

Согреет солнце ль нас, иль тьма ночей затмит,
С'ест пажить саранча, гяур²¹⁾ сожжет ли дома —
А ты, о Чатырдаг! недвижим и закрыт

От нас; земля в тебе дрогмана *) бога зрит:
Подставши под стопы народы, земли, громы,
Ты внемлешь, что творец творенью говорит.

Пилигрим

У ног моих страна роскошная лежит:
Свод неба голубой, слывут красбою девы;
Чего ж отсюда вздох в далекие пределы
Летит, и сердце их не может позабыть?

Литва! милей твой лес для сердца говорит,
Чем юга соловьи, салгирских дев напевы; ²²⁾
Я радостней топтал край дикий, запустелый,
Чем край, где смоква — жар и ананас горит.

Ах как же я далек родимой стороне!
Зачем тяжелый вздох младую грудь вздымает?
Зачем предмет любви здесь не забуду я?

Она на родине, отнятой у меня
Где все о верности моей напоминает...
Топча мой свежий след — ты помнишь ли о мне?

ДОРОГА НАД ПРОПАСТЬЮ В ЧУФУТ-КАЛЕ ²³⁾

Мирза и Пилигрим

Мирза

Молись, зажмурь глаза; брось повода удил:
Здесь разум свой ездок ногам коня вверяет: ²⁴⁾
Конь — чудо! Стал — как гвоздь: глубь взором измеряет,
Присел, копытом брег гранитный захватил —

И вот повис! — Держись! Твой взор, упав с высот,
Как в кладезь Ал-Кайра, до дна не достигает,
Не вскажуй и рукой — рука ведь не летает;
И мысли не пушай — как якорь, мысль падет,

Из маленькой ладьи: в немерность глубины
Перуном низлетит — дна моря не достигнет
И челн с собою в хаос безбрежный унесет.

Пилигрим

Мирза! а я взглянул! Сквозь мира щелины
Я зрел там... — что я зрел — язык мой смертью стынет.
В живущих языке на это звуков нет.

---

*) Толмач — главный переводчик; например, при посольстве.

ГОРА КИКИНЕИЗ

М и р з а

Глянь в пропасть небеса, лежащие на доле,
То море ; среди волн, как исполин Зимург,²⁵⁾
Перуном поражен, огромны крылья вокруг
Расширил и лежит, трепещущий, на море.

Как снегом, пеною закрывши поле вод,
Гора, плывущая средь пропасти — то туча
Садится на землю, погибелью могуча.²⁶⁾
Ты видишь огонь ее, летаемый вперед ?

То огонь — Перун. — Но стой ! вот бездна под ногою !
Останови коня ! Останься на скалах ;
А я — а я помчусь... когда в твоих глазах

Исчезну — ты смотри в ту бездну под тобою :
Когда блеснет перо — то будет мой колпак ;
А нет — уж смертному не ехать той тропею.

РАЗВАЛИНЫ ЗАМКА В БАЛАКЛАВЕ²⁷⁾

Развалины дворцов вельможных ханов,
Когда то красота твоя, роскошный Крым ! —
Теперь торчат в горах, как черепа Титанов :
Их змей, иль человек, змей хуже, заселил.

Всхожу на башню : там следов ищу гербов —
Вот надпись : может быть, здесь имя воеводы,
При коем целые тревожились народы.
Как червь обвито спит под тению листов.

Здесь грек красу Афин на башнях высекал
Здесь генуэзец цепь монголам накидал
И меккский выходец здесь свой намаз певал.

А ныне черный вран их гробы облетает,
Как в граде выбитом заразой моровой —
Хоругвь погибели на баште вестовой.

АЮДАГ

Люблю глядеть, вспершись на Аюдаг - скалу,
Как волны, вспенясь, то горными грядами
Стеснясь бушуют, бьют ; то серебром снегами
В миллионах радуг вдруг блеснут в своем кругу ;

Ударятся о мель, расплеснутся струями,
Как воинство китов на диком берегу
Займет с триумфом твердь, и, возвратясь, врагу
Оставит перл, янтарь, и жемчуг, и кораллы.

И сердце так твое, молодой поэт-пророк!
Вихрь пламенных страстей бушует над тобою;
Но лиру ты возьмешь — и страсти чередою

Стремятся потонуть навек в забвенья ток,
И песни дивные оставят за собою —
Из них века совьют бессмертия венок.